

Алексей Ананьев

ДЖИНА

Алексей Анисимов

Джина

«Издательские решения»

Анисимов А.

Джина / А. Анисимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856172-6

Бездомная собачонка, склонившаяся над мёртвым щенком. Снимок под лампой в кабинете онколога. Истощённые животные в доме безумного клерка. И всё же это лишь отражение в черном окне вагона. Там, за пределами подземки — залитые солнцем улицы Петербурга, неуловимо тонкие чувства, растворенные в музыке Хендрикса. Мечта. Прожить жизнь тихо и кротко. Работать плотником, как Христос. А вечером, закончив очередную главу, гулять долгой и темной аллеей. Такая чудесная и достижимая мечта обычного человека.

ISBN 978-5-44-856172-6

© Анисимов А.
© Издательские решения

Содержание

Джина	6
Держи меня крепче	9
Чудный вечер	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джина

Алексей Анисимов

© Алексей Анисимов, 2018

ISBN 978-5-4485-6172-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джина

Полуночное шоссе освещено тусклым светом. Из всего ряда один мигающий фонарь, и яркая разметка. Одинокие машины проносятся мимо, туда, в темноту поворота. Митрофаньевское шоссе. Дорога сквозь бывшее, невидимое сегодня, кладбище. Я долгие годы работал в этом районе. Работал по разным адресам. Я еще помню, когда и дороги этой толком и не было. Вначале немного асфальта, потом все больше ямы, ухабы, потом колея, а после и вовсе укатанная земля. Все это упиралось в древние, самостройные гаражи. Страшная ночами, безлюдная улица, параллельная Московскому проспекту.

Но все в жизни меняется. За несколько лет в стране произошли перемены, и здесь все тоже преобразилось. Дорогу закатали асфальтом, осветили, в продолжение ее построили виадук к Благодатной улице. У Балтийского вокзала прорыли пешеходный переход. В общем, все изменили и обозначили перспективу. Но и после этого там, в самом ее конце, где-то на Рощинской улице, в переплетении заброшенных улочек я как-то встретил бабушку с вязанием, сидящую у калитки. А рядом с ней привязанная к колышку коза. А ведь это самый центр Петербурга.

Сейчас от кладбища остался только маленький кусочек с левой стороны у виадука. На картах его теперь обозначают как Громовское кладбище. А раньше оно доходило до шестого дома – это почти у Обводного канала. Но в начале прошлого века могилы сровняли с землей. Остался только этот старинный кусок. Там вроде бы похоронен купец Елисеев, магазин которого и сейчас находится в центре Невского проспекта.

Здесь много закрытых территорий, склады, производства, автосервисы, железнодорожная станция. Много собственников, стало быть, много охранных собак. Днем они лежат вповалку на газоне, греясь на солнышке, или бегут за машинами, облаивая их. А ночью... Мне как-то нужно было пройти до двадцать второго дома. И пока я шел от Обводного, за мной собралась стая собак, наверное, из десяти. И чем дальше я шел, тем их становилось больше и больше. Они лаяли и пытались напасть. Конечно же, я боялся, и они это чувствовали. В конце уже дошло до того, что сделаешь несколько шагов, остановишься и отмахиваешься от них снятым пиджаком. В чистом поле закусали бы до смерти. Я уже вышел на дорогу и стал размахивать руками, прося о помощи. Одна из машин остановилась, водитель вышел и отбил меня монтировкой от стаи. Пока вез до адреса, говорит:

– Гиблое здесь место. Мне рассказывали, что здесь ночью на дорогу покойники выходят. Никого вокруг нет, а в свете фар контуры людей видны.

А еще раз, помню, я наблюдал за стаей таких же дворняг. У меня были какие-то проблемы. Я остановил машину и сидел в глубоком ступоре. Голова никак не начинала соображать. И я стал смотреть на этих собак, которые лежали вповалку друг на друге. Вдруг одна из них встала, прошла чуть дальше, снова легла. И, гордо подняв голову, стала следить за пробегающими машинами. Почему мы не можем проводить свое время так же? Потом я посмотрел в другую сторону. Там рабочий красил серой краской цоколь здания. Из стеклянных дверей вышел охранник. Он неспешно закурил сигарету, подошел к рабочему и указал ему пальцем непрокрашенный участок на стене. И тот, обмакнув кисть, закрасил его...

Ну, и так сложилось, что в районе двадцатых домов, на одной из территорий у нас появилось помещение для нашего нехитрого бизнеса. Туда мы приезжали почти каждый день. На этой территории тоже были какие-то собаки. Я сначала не обращал на них внимания. Но как-то мне нужно было приехать сюда поздно, и охранница сказала, что ночью территорию охраняет Шерхан. Ворота закрывают, и лучше здесь вообще не появляться. Странно, что я этого не знал, все в округе это знают. Потом я увидел этого Шерхана. Размером он был с годовалого теленка. Сидел в дальнем углу территории, запертый в клетку. Вокруг перевернутые

миски, кости, вонь. Еще издали увидев меня, он стал биться внутри клетки так, что она заходила ходуном. Страшно было подумать, что было бы со мной, если бы клетки не было.

И еще какая-то собачонка под ногами крутилась, Джина. Серенькая, ласковая, на волчицу похожа.

Как-то весной, когда появляется первое, жаркое солнце, все девчонки из офиса, рассевшись рядком на лавочке, расстегнули кофты, закатали юбки выше колен и, запрокинув головы, загорали под первыми лучами теплого солнца. Я сел рядом, поддавшись общему настроению, закатал джинсы, расстегнул рубашку и тоже стал загорать. Мы сидели и болтали ни о чем.

И вдруг мимо пробегает этот самый Шерхан.

Все словно в себя пришли.

– Зачем вы его выпустили, он же нас перекусаёт! – все одновременно стали кричать охраннице и махать руками.

– У них сейчас любовь, он никого не тронет, – ответила она и захлопнула дверь своей будки.

И действительно, к нему подбежала Джина и стала тереться головой об его живот.

Его больше не закрывали в большую клетку. Они целыми днями валялись в тени или дремали, положив головы друг на друга. И никого вокруг не трогали.

Но вот в другой день все было вроде то же самое. Мы с ребятами ждали машину. Эти влюбленные звери бегали туда-сюда. Было жарко, пыльно. И вдруг через двор пробежала кошка. Странно, никаких кошек здесь сроду не было. Собаки погнались за ней. Она изо всех сил кинулась на полукруглую стену ангара, но с шумом скатилась на землю. Они одновременно схватили ее, подкинули высоко и так в прыжке разорвали на две части. Все аж ахнули. Это произошло так быстро и неожиданно, словно было кем-то спланировано. Пробег кошки, появление собак...

Я подбежал и во все глаза смотрел на это. Одна половина кошки жадно глотала воздух и перебирала лапами, а из второй на землю вывалились кишки, и все остальное... испачкалось и перемешалось с дорожной пылью. Как же так! Теперь уже ничего не исправить! Как же мне ее было жалко! Как жалко... Ну чем я мог ей теперь помочь? «Так убить, так убить, просто так, ни за что, мимоходом, ради забавы. Спаси и сохрани», – твердил я. И выводил в воздухе мелкие кресты. Почему-то о себе подумал. О том, что дальше будет, что у каждой души живой здесь будет момент перехода. Потом подбежал Стас, это мой компаньон. Он был весь мокрый, взъерошенный.

– Леха, идем, машина пришла. Что тут? Ха, кошака разорвали!

Он схватил какую-то палку тут, с обочины, ловко ее перекрутил в воздухе и воткнул острием в глаз умирающей кошки со словами:

– Сдохни, тварь!

Тут и я в себя пришел.

Вот такие люди разные. Нет, он не плохой человек. Ну просто все вот так.

Я все эти годы боролся с собой. Странное устройство жизни: нужно бороться с собой и еще параллельно с обстоятельствами. Пытался дописать книгу, выпивал, потом бросал. Потом опять пытался дописать книгу. Записал несколько неплохих песен, начал репетировать с группой, потом бросил. Я бы, конечно, хотел заниматься творчеством, мне кажется, у меня к этому есть способности. Но нужно было еще и работать, зарабатывать деньги. Я же не знаю, почему тут все так устроено, почему я должен заниматься не тем, чем хочется, преодолевать себя. Я сейчас насчет этого даже не переживаю. Этот процесс зарабатывания отнимал у меня уйму времени. Но с годами выработал определенный навык и свойство характера.

Через полгода у Джины родилось шестеро щенков. Некоторые из них были белого цвета. И она еле ходила, с отвисшим животом и набухшими сосками, стоя поодаль, и была похожа

издали на римскую волчицу. А они гроздьями висли на ней. Помню, после долгих новогодних праздников я привез ей целую утку, оставшуюся с праздничного стола.

Только через полгода я заметил, что из шестерых щенков осталось трое.

Я спросил у охранницы:

– А где остальные? Кому раздали?

– Да вон их мусоровозы передавили. Кидаются под колеса, как сумасшедшие.

И действительно, как я раньше этого не замечал? Рядом с нашей территорией проходила дорога на городскую свалку. Прямо в этом же проезде. Машины ездили и днем, и ночью. От нечего делать щенки, выйдя из ворот, бежали за грузовиками, лаяли, пытались укунить за колесо. Кто спокойно проедет, а кто-то, может быть, и специально руль резче повернет.

Я видел так только одного. Это уже из оставшихся трех. За ночь его укатали в колею. А Джина стояла над ним, обнюхивала, поднимала голову и тоскливо смотрела по сторонам, словно ожидая чего-то, пока ее не сгоняла проезжающая машина. Возвращалась на это место и снова стояла.

Еще через пару лет Шерхан искушал охранницу. Ванька Мохов приехал раньше всех. Ворота были закрыты. Но был слышен лай собаки и крик женщины. Охранница лежала на земле, на спине, и громко кричала. А он, вцепившись ей в бок, дергая головой из стороны в сторону, вырывал у нее из бока что-то вместе с тряпками. Собаку отогнали палками, бабушку отвезли в больницу. Чуть позже приехал ветеринар и усыпил его, выстрелив шприцем из длинной трубки.

Мы с той территории вскорости съехали. Пожар там был, и долгов мы оставили. В общем, больше там не появлялись. Джину я видел потом пару раз вдоль дороги. А один раз, никуда не торопился, еду – она стоит, еще какие-то собачонки сзади. Я остановился, включил аварийку. Ищу, что бы дать ей, чем угостить. Ничего съестного в машине. В бардачке нашел несколько засохших конфет шоколадных. Вышел, она ко мне побежала – узнала! Ластится, о ногу трется, грязная, зараза. Потрепал ее за ухо, за холку. Хвост из стороны в сторону болтается, аж по бокам себя бьет. Вынул конфетки из фантиков. Разложил перед ней. Она их обнюхает, потом ко мне, потом к ним. Лапы мне на грудь ставит, испачкала всего, зараза...

У меня в тот год дочка родилась. А Стас, наоборот, развелся с женой и в Москву уехал.

Много всего происходило, и уже следующим летом, да, где-то ближе к августу, где-то там, у тех домов... Проезжаю – она лежит на обочине. Машина ее сбила... Видимо, уже несколько дней прошло – живот раздулся, как барабан. Я был в каких-то проблемах и торопился. Ну подумаешь, да... А еще через несколько дней, жара стоит страшная, проезжаю – она еще лежит. Остановился, вышел. Да, Джина. Морда уже подгнила, часть черепа видна, клыки, глаз – высох. Черная запекшаяся кровь, и белые трупные черви в шее копошатся. Живот раздувшийся и упругий. Я ткнул ее носком ботинка в живот. Постоял, посмотрел да и поехал дальше.

Ну вот и весь мой рассказ. Не знаю, чем я тут хотел поделиться. Повествование какое-то нелепое, вроде – о собаках и людях. Собаки вроде передохли, а люди живы. И в то же время... Не знаю, что тут сказать.

Держи меня крепче

На приеме у врача поражало, с каким спокойствием он говорил о вещах, которые рушат жизнь. Снимок на плоской лампе и темные пятна на светлом фоне мочевого пузыря. И вопрос «А какой прогноз?» – потонул во фразе врача:

– Странно, что у вас еще нет болей. Здесь все поражено, кругом метастазы...

Это очень хорошая клиника. Картины на стенах. Мягкие ковры. Все доброжелательно, продуманно и дорого. Рекомендовал ее друг Вадим, передавая блестящую визитку. Сказал:

– Сделают все быстро, конфиденциально. Полное обследование, полный прогноз. Назначения, подберут клинику: конечно, если у тебя проблема.

Было жжение, и Андрей подумал, что простатит. Ну еще приступы слабости. Марианна Сергеевна, главврач. Анализы, снимки. Ну вот прошел день, и попросили приехать...

Огромный черный джип медленно выехал из ворот больницы и пристроился в крайний ряд Московского проспекта. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее. В середине потока и над потоком. Удовольствие от вождения. Днем машин не очень много, а такие машины вызывают уважение и восхищение, ну я уже не говорю о зависти. И многие, не все, конечно, начинают размышлять, каким путем достаются такие машины. И какими на этом пути становятся владельцы этих машин.

А тому, кто в этой машине, что с того. Вот Андрей. Вся его жизнь – игра. С какого-то момента появилась такая легкость. Так получалось не всю жизнь. Кто умней – тот сильней. И физическая сила побеждена умом и хитростью. От яркого солнца и легкого вождения слегка кружилась голова. И кожа на спине слегка потягивала от загара.

«Что делать с тем, что сказал доктор? С этим придется считаться, – думал он. – Оно победит меня, оно закроет меня. И видимо, довольно скоро. Нужно все упорядочить, взвесить все шансы, я так понимаю, довольно скоро». Так размышлял Андрей. Но какой-то холод внутри. И легкое чувство интереса. Как будто перед поездкой в какую-то новую неведомую страну. Таиланд, Индия, Китай, Европа, Америка – все объездил. Теперь туда. И естественно, никакого страха. Интерес.

Но это потом, а сейчас... На Богатырском все с фундаментом завалят. Надо туда.

На объекте кричал безбожно, мат летел. Даже не мог вспомнить, когда в последний раз был такой скандал. Таджики разбежались по вагончикам, не понимая, что происходит. Фактически перезаливать фундамент. На хрена Николаича уволил? А эти уроды с дипломами... А Николаич вообще с техникумом.

– К опалубке и стопам вопросы есть?

– Нет, но все просядет.

– В карту грунта смотрели?

– Это не ко мне.

Постоит, грунт в руке помусолит. И все, а эти...

...Это даже не ошибки управления. Иногда законы психологии не действуют на людей.

«Сейчас два жилых комплекса в работе и коттеджный поселок. Кто это будет заканчивать? Бред какой-то», – думал Андрей этим вечером.

Что двигает людей успешных, какие качества? Загадка. Вот Андрей не имел каких-то особых талантов, он закончил строительный институт. Имел спокойный характер, был легкий и обаятельный в общении, но был принципиальным в важных моментах. Он умел играть в шахматы. Не в шахматы на клетчатой доске, нет, а в шахматы, где фигуры – это люди. Прекрасно понимал, что люди – это такой же капитал, как станки, оборудование, участки. Двухходовки, трехходовки, затяжные комбинации, импровизации с непредсказуемым концом, быстрые шахматы в затяжных стрессовых ситуациях. Лет с двадцати ему приходилось управлять большим

коллективом людей. Особенно это стало заметно, когда приходилось руководить коллективом свыше сорока человек.

Управление большим коллективом. Это была его фишка. Вести человека, открыть в нем качества, необходимые для работы. Потом уволить, устроить в параллельную контору, где его на пару месяцев кинут по зарплате. А потом вернуть к себе и поставить главным инженером на комплекс. Так, чтоб он там год дневал и ночевал. И был благодарен за каждую копейку и за то, что снова поверил. Все это в интересах дела. Ну и конечно, чувство вины. Это конек. Чувство вины – это фактически деньги. Их остается только во что-то обналечить.

Вечером заехал в любимый ресторан. Андрей уже полгода был один. И в будни, и в поездках. С Леной они расстались три года назад. Раньше они бывали с ней здесь. Больше никого не было. Ну, может, пару раз, и то надо вспомнить. Просто не ожидал от новых отношений ничего нового. Безумство страсти, а потом пошлые воспоминания. Нет, довольно. Вообще, он пытался войти в спокойный режим. Был один в нескольких зарубежных поездках. Бродил по улочкам в Испании, размышлял, купался. Старый знакомый предложил пользоваться его домом на берегу. И он позвонил, напомнил. «Да без проблем, тебя встретят в аэропорту Барселоны». Его встретил «Бентли» со значком «инвалид за рулем», который был припаркован прямо у выхода. Это вызвало усмешку. И очередное размышление на тему: дали бы нам, русским, весь этот мир в управление, что бы мы из него сделали? Прекрасно провел время. Читал, загорал, ел жареное мясо. Без всяких гостей и вечеринок. И выпивая, засыпал на лежаке у бассейна, любуясь чужими звездами в незнакомом небе. Отчеты просматривал по интернету. Ну, со всякими созвонами это занимало времени не больше часа в день.

Так вот, до Лены у него было три жены. От первой был сын Максим. Мать его уехала в Германию, а он жил с ее матерью, его бабушкой, на Фонтанке. В том доме, где снимали фильм «Зимняя вишня». Ему было 16 лет. Он отчаянно занимался футболом. Мечтал играть в «Зените». Иногда они виделись, он помогал ему материально. Да, надо будет съездить к нему. Когда созванивались, он говорил: «Папа, я скучал», – хотя пацану уже 16 лет. Недавно давал ему деньги на мебель, бабка попросила заказать шкаф, так он перезванивал, говорит: «Я заключил с ними контракт». Смешной, мечтает, чтобы с ним кто-то контракт заключил.

Фирма работала как часы. Вся эта история началась давно. Это классика дикого капитализма. И его историю можно было описывать в учебниках.

Сразу после армии устроился на работу. На него обратили внимание, когда он грамотно распределил подряды. Потом с малых магазинчиков и расселений они сразу перекинулись на оформление помещений под казино. Семен Аркадьевич отправил Андрея в командировку, в Лас-Вегас! Это в то время! Времени у него было предостаточно. Бродил, зарисовывал планы, записывал наблюдения, как люди заходят в помещение, на что обращают внимание, сколько времени проводят у игровых автоматов. Как часто выпивают. В общем, привез полный отчет, как это все там устроено. И контора выиграла тендер. Ну, тендер – это с натяжкой. Просто смогли удивить своими познаниями об устройстве казино нужных людей. И началось. С девочками, путешествиями, кучей объектов, деньгами. Семен Аркадьевич был хитрющим евреем, он думал, что все под контролем. Каждое утро к его подъезду подъезжали две черные машины. Никто не знал, в какую он сядет и куда поедет. Параллельно велось с десятком объектов. Но когда дело дошло до него, просто, недолго думая, взорвали обе машины с водителями и Аркадьевичем, который открыл дверь одной из них. Когда Андрей, приехали к его подъезду. Все было оцеплено, работала милиция. Ему запомнилась нога Аркадьевича, она лежала поодаль от тела. Просто оторванная от тела нога лежала в стороне. Начищенный ботинок блестел на солнце. Брючина задралась, и были видны высокий носок и черные блестящие волосы на белой коже. Все это произвело на него сокрушительное впечатление. Как же так? Ведь мы строители. Мы строим новые дома, перестраиваем старые. Делаем интерьеры. И вот нога, далеко откинута от тела. Это такие минуты в жизни, когда вот ты пьяный и трезвый, а это ты трезвый и стано-

вишься еще трезвее, как будто тебе открывается еще что-то. Непонятное до этого. Переводят на другой уровень мышления.

Потом было полгода затишья. А потом снова стрельба. Поздно вечером Андрею позвонил новый шеф и попросил приехать со всеми документами на улицу Казанскую. Андрей спешно собрался и приехал в центр, к Казанскому собору. Долго ждал. Набирал шефа из автомата.

А на следующий день узнал, что нового шефа убили. Убили на улице Казанской, которая на «Новочеркасской», рядом с Шаумяна. Ему выстрелили сначала в живот, потом что-то у них заклинило, они вышли, дошли до своей машины, перезарядились. А он каким-то чудом, теряя сознание, успел позвонить жене Лане, нажимая кнопки, заляпанные красной жижей. Сказал ей, что любит ее, дочку, летом они вместе поедут на море.

– Она уже большая, будем заплывать далеко-далеко.

– Нет, она еще маленькая, она может испугаться.

– Ну ладно, тогда не будем. Будем плавать у берега. Ложитесь без меня. Я буду поздно.

«Просил поцеловать ее перед сном. Я даже ничего не заподозрила. Он говорил спокойно, я уже дремала».

А потом они вернулись и всадили всю обойму ему в голову. Его хоронили в закрытом гробу.

Вот так, такое было время. Есть такие виды бизнеса: добыча золота, обработка гранита, строительство, – которые очень рентабельны. В них есть за что бороться. Есть за что убивать. Потому что это касается даже не тебя, а твоих детей и внуков. Вся страна тогда была брошена: бери и владей.

И Андрей остался с документами, доверенностями на руках. И опять началось. На полгода притих, сделал всего один объект. А бизнес-центр заморозил. А ближе к двухтысячным, когда порядка стало больше, развернулся вовсю. Нашел инвестора, достроил начатый бизнес-центр, и пошло-поехало.

Все разгадано. Но только что тобой движет, непонятно. Можешь не ходить на работу, но встаешь и идешь. И проводишь, как раньше, планерки в прокуренных бытовках, и поднимаешься на недостроенные этажи.

Хорошо помнил тот момент, когда можно было ничего не делать. Все было в управлении. Покупка чего-то вызывала отвращение. Уже была одна квартира, вторая, и заканчивали загородный дом. Но мама отказывалась переезжать в большую квартиру. Самым любимым человеком была мама. Она всю жизнь на него положила. Он ей в тот день позвонил, сказал: «Запиши название лекарства». – «Да-да, сейчас запишу, ручка на кухне». А потом грохот и тишина. Он все кричал в трубку: «Мама, мама!» А потом бежал, как сумасшедший, по ступенькам и не мог попасть ключом в замок. Так и нашел ее лежащей на полу, в коридоре.

Отца он никогда не видел. Мать его очень любила. Он уехал на север и не вернулся. Просто позвонил, сказал, что назад не вернется, да, еще сказал: «Извини». Мать рассказывала, что написала ему большое письмо со множеством вопросов, но ответа не было. И она осталась с маленьким Андреем на руках. И она полностью посвятила себя Андрею. Она его встречала, и провожала, и отправляла на секцию, и копили ему на велосипед, снова встречала. А когда пошла на работу, приезжала тетя Надя, чтобы следить за Андрюшей. А потом армия, поступление в институт, гольфа. Работа. Но мама всегда была. Требовала аккуратности во всем. Жили они бедно, жили в коммуналке на Васильевском, на линиях. Но в домашних заданиях все делалось сначала на черновик, потом на чистовик. Брюки, галстук, воротнички – все должно быть выглажено. Вещи были старые, штопаные, но отутюженные. Наталия Игоревна – первая учительница. Мама ее обо всем расспрашивала, как, что, тянул ли руку. Как читал стих? Уверенно? Это вызывало у него чувство особенного, пристального внимания к себе. Был такой случай. В пятом классе уже другая учительница повела класс к ледоколу «Красин». Дети ужасно устали, пешком с линий добирались, и когда дошли, выяснилось, что косая линия перекрыта

бетонным забором. Ну не вести же их обратно. Между домами и забором был проход. И учительница повела их вдоль этого бетонного забора. Все шли парами, держась за руки. Где-то на середине пути Андрей остановился и наклонился, чтобы застегнуть сандалик. И в следующую секунду бетонная плита забора захрустела и рухнула, подняв столб пыли и разделив строй ребят пополам. Все на мгновение замерли в оцепенении. Сбежались строители, больше всех кричал прораб. Выяснилось, что это пьяный крановщик сдавал задом и ударил плиту. После экскурсии учительница взяла с ребят слово, что они не расскажут об этом происшествии дома. Но Андрей не сдержался и маме вечером рассказал об этом, а она лишь отмахнулась: «Не придумывай».

И еще каждое лето они снимали дачу в Вырице, не дом, времянку. До реки Оредеж можно было спуститься пешком по настроению. Мама говорила, что еще его пеленки на этом спуске полоскала. В память впечатался вокзал Вырицы, сами эти буквы на песочного цвета фасаде и ожидание перемен. Замирание, новые запахи в доме, прошлогодние прикопанные под яблоней секреты: патрон, кусок свинца, модель машинки. И эти виды: река, лес, тропинка. Друзья, сверстники, изменившиеся за целый год. И дочка хозяйки Света, Андрей возил ее на своем велосипеде. Она запрыгивала на раму и держалась за руль, а он гнал что было сил с горки на горку, потом выскакивал к реке, вдоль нее и дальше через лесок. А Света визжала изо всех сил. Андрей прижимался к ней с каждым годом все крепче и крепче, взрослей. Ее развевающие волосы облепливали лицо, носом он прижимался к ее уху и ловил какой-то другой запах, какой-то будущий и дикий. А она на каждой кочке всхлипывала и кричала:

– Держи меня крепче!

А в один год, один из последних дачных с мамой, она не приехала. Дом был продан другим людям, но они все равно сдали времянку. А потом и вообще все переменялось.

Еще с Андреем Андреевичем надо увидеться. Познакомились, когда обоим было далеко за тридцать. По поводу разрешений в строительном комитете. Зашли в туалет, стояли рядом у писсуаров. А он ему говорит:

– К Слюсареву?

– Да, по поводу Савушкина.

– Такая мразь! Ничего он вам без денег не подпишет! Я ему уже второй раз заношу, чувствую, не последний.

– То есть еще помучает, поиздевается?

– Еще как! Только за это еще и платить нужно.

Разворачиваются, а этот Слюсарев из кабинки прямо на них выходит. То есть он был в туалетной кабинке, за их спинами и слышал разговор. Ничего не сказал, руки вымыл, зыркнул и вышел. А они так и стояли молча. Потом рассмеялись. Ну и пошли, ясно, что дело их теперь в этом комитете гиблое. Андрей Андреич приучил Андрея к охоте. Сначала просто брал с собой, потом подарил хорошее ружье. Потом серьезно стал относиться – мужчина должен охотиться. Так Андрей своей тогдашней жене говорил, когда она ныла, собирая его в очередное путешествие. Стали вдвоем выезжать в хорошие места. Даже в Африку ездили.

И вот был у них такой случай. Отправились они на Дальний Восток, по большому благу, в глухую тайгу, на медведя. Высадили их на сопке. Сказали, что на этой же сопке в это же время заберут через два дня. Разбили они лагерь у подножия. Но не везло: постреляли много разного мелкого зверя, но медведя не было. Видели следы, один раз даже нагнали почти. Ну, значит, не судьба. Стали выдвигаться к обозначенной сопке, поднялись. Но вертолет кружил от них километрах в пяти, спускался, зависал. Потом резко развернулся и улетел. Кричи, стреляй – бесполезно. Как выяснилось потом, пилот, который их привез, запил, от него жена ушла. А где их искать, сменщику не смог толком объяснить. В общем, вот такой экстремальный туризм. Для миллионеров. До ближайшей дороги двести километров. Немного патронов, три банки

тушенки и пакет крупы. Шли по компасу, первые дни бодрости духа не теряли. Но на третьи сутки, когда продукты закончились, появились сомнения крепкие.

«Дойдем ли? По одному не дойдем».

Так-то понизу шли в небольшой разброс. Перекликались всё:

– Андрей!

– Андрей!

– Андрей!

– Андрей!

Последний день почти не разговаривали. Палатку на ночь не ставили, сил не было, кутались в нее. Утром проснулись опухшие, комарами закусанные. Голодуха, жрать охота. Табака нет.

Андрей говорит:

– Давай подыдемся, осмотримся.

– Давай. Сил мало, давай кто-то один поднимется, всего-то делов осмотреться. Что вдвоем силы тратить?

Андрей и говорит:

– Давай на эту еще вдвоем, а дальше, если доведется, по одному уже подниматься будем.

Так она, сопка, к вершине на две расходиться стала. И там уступ такой скальный. От этой стены ничего опять хорошего не было видно. Лес до горизонта. Да сопки, но как-то вроде поменьше, вразброс.

– Я на ту, отдышись.

А вторая вершина метрах в трехстах. Ну, Андрей Андреевич туда и пошел быстрым шагом. Машет: ничего нет. Вниз стал спускаться.

«Да, вляпались», – подумал Андрей. Чуть в сторону глаза отвел, морщась. Может, не в ту сторону идем, должна уже быть дорога. И уже в следующую секунду видит, как Андрей Андреевич летит с горы с невероятной силой, а за ним медведь. Невероятных размеров, просто громадный, черного цвета. Андрей Андреевич бежит, рюкзак за спиной бултыхается. Ружье за ляжку, оно-то в воздухе, то о землю бьется, по земле волочится. И главное, не кричит. Что не кричит-то? Так это всего секунды три, как происходит. Наверное, от страха. Вот четвертая секунда пошла. Главное, чтобы не заклинило. Вскинул ружье, спокойно. Медведь передней лапой подсек бегущего впереди человека, и тот, перевернувшись через голову, кубарем полетел вниз. Раз выстрел! Два выстрел! Три! Перезарядить. Еще четыре секунды, пятая пошла. Раз выстрел! Два выстрел! Три! Эти уже с ходу в движении. Лапа, бок, бок! Только хлопки от пули. И эта черная громада тоже кубарем несется вниз. Сердце колотится невероятно. Адреналин хлещет. Вся эта история заняла секунд тридцать-сорок. Невероятно! Бежал он вниз по склону чуть боком. Медведь остановился чуть раньше, а Андрей Андреевич внизу на камнях. Приклад ружья разбит, острие древесины торчит. Андрей перевернулся, живой! Руку, согнутую в локте, прижимает к груди.

– Цел?

– Цел.

Ружье сломано, фляжка раздавлена, и самое страшное, компас всмятку. Поднялись к медведю. Андрей даже в книгах такого не видел. Чудо природы. Поохотились. Жалко, фотоаппарата не было – сняться. Но при всей усталости и бедственности своего положения не могли они его так оставить. Еле-еле отрезали ему голову в качестве трофея. Распоролли рюкзак, уложили туда голову, перетянули веревкой и тащили за собой.

К вечеру, уже в темноте, вышли на дорогу. Фонари сели. В темноте на карачках ощупывали асфальт. Андрей прижался к нему щекой, это было спасение. Четыре дня выходили. Только через шесть часов вдали показалась пара фар.

А голова медведя теперь висела у Андрея Андреевича в кабинете, над диваном. Они под ней чай пили или что покрепче, когда встречались у него.

Зашли далеко в лес. Перекликались.

– Э-эй!

– Эй!

– Э-эй!

– Эй!

Какой-то голос дальше. Какой-то ближе. Моховиков было много. Полное лукошко. Иногда сквозь рябь деревьев виделся кто-то из грибников. И было не так страшно в этом сумрачном лесу. И вдруг в десятке метров от себя он увидел маму. Она наклонилась, и была видна только ее сгорбленная спина. И тут Андрей внутренне почувствовал, что он давно уже не маленький мальчик. А мама давно умерла.

– Мама, мама! – закричал он.

Она поднялась во весь рост и повернулась в его сторону. Ее лицо было черного цвета. А глаза в следующую секунду – белые с поволокой. Только белки.

Он как спал, так и поднялся в кровати. Весь в холодном, липком поту.

Эта сцена часто используется в голливудских фильмах.

Часто дыша, Андрей нащупал тапки и в полной темноте по долгому коридору побрел в ванную.

«Как так, такие кошмары мне никогда не снились. Но ведь я и не болел так никогда», – подумал он. Черный фактурный кафель, холодный свет. И отражение в глубоком зеркале. Чем больше он приближал лицо к прозрачной глади, тем ясней были видны пятна и нарывы под кожей. Они были холодного, смертельного бледного цвета. На работу уже ходить нельзя.

И уже на следующий день, утром, Андрей засобирался на работу. Но потом вспомнил, что не надо на работу. Сделал несколько звонков. Голова кружится, и лицо побрить уже невозможно. А в нем играла такая веселость, тупо, как раньше, – терять нечего. Поехал, и поехал быстро, на Смоленское кладбище. Не с центрального входа, а со стороны улицы Беринга. И еще раз это приподнятое настроение перед дальним путешествием и понимание, что в той, дальней стране ты останешься надолго. Но это там, а тут... деревья переходят в кресты и могильные камни. И все перемешано, смерти начала века и трагедии сегодняшних дней. Андрей абсолютно не соприкасался с религией, ну, кроме детства, пожалуй. Мама ходила в церковь и крестила его. С бабой Лидой. Но после он всего несколько раз за жизнь сказал «Господи, спаси». И то впроброс и мимоходом. Был, конечно, в церкви на крещении или венчании у друзей, но чтобы верить... И в какой-нибудь день церковного праздника, значение которых он, конечно же, не знал. Когда он, проезжая мимо, видел длинную очередь людей к какому-то храму, скажем, на освящение воды или праздничную службу, с уважением относился к их чувствам, он думал: «Бедные, одурманенные люди. Это самый великий обман в истории. Что должно двигать человеком, чтобы встать в пять утра и пойти в церковь освящать воду?» А он проезжал мимо этой очереди в этот ранний час. У него все время звонил телефон, и разные люди просили что-то продать или предлагали купить. И он уже подсчитывал, сколько он заработал до полудня. А они все смиренно стояли. За этой водой. Которой будут опрыскивать дом. Которую будут пить и произносить молитвы. Это удивительно. Смерть, она и есть смерть. Видел он ее не так много. Но с абсолютным пониманием того, что происходило.

Служба только закончилась, люди выходили на улицу. Опять поворачивались к храму, опять крестились и кланялись. Андрей поднялся по ступеням, двигаясь против толпы, слегка поклонился и, не крестясь, вошел в храм. Свет преломлялся в полукруглых потолках. Падал на росписи стен, иконы. Казалось, свечи, воткнутые в песок подставок, рожают миражи икон. Стоял батюшка, вокруг него стояли люди, что-то его спрашивали, а он отвечал. Андрей сел

на подоконник, прислонился плечом к откосу и просто без рассуждений стал смотреть на красоту убранства и красоту людей. Долго он так сидел.

И прямо напротив него, рядом с ним, к иконе подошла молодая девушка, еврейка. В полупрозрачном платке. Поставила свечку. И медленно и как-то отчетливо крестилась. И шепотом произносила молитвы. Она, подняв огромные черные глаза, с такой любовью смотрела на образ Богородицы. Она уже просто что-то ей рассказывала, за что-то благодарила. Потом целовала ей руку, снова крестилась и снова благодарила. Смотрела ей прямо в глаза. А Андрей думал: «Что должно произойти с человеком? Что, она знала Богородицу лично? Что она ей такого сделала? В каком деле помогла?» Глаза этой девушки были полны слез и любви. Странно, у евреев ведь свои боги или вера, как это сказать. В чем же смысл религии, в чем смысл Бога? И если это все им устроено, то в чем задумка? Андрей первый раз в жизни перекрестился.

На протяжении последних двух недель он часто и подробно вспоминал свою жизнь. Маму, детство, армию, институт. Пытался думать и дальше: зачем, за что. Но это все прерывали боли. Тянущие, режущие, колющие. Они, как бандиты, будили среди ночи и пытали до утра. Непонятно было только, за что. Утром или ближе к обеду делали укол, какая-то передышка. И еще пара бессмысленных дней.

На следующий день надо было ехать к хирургу Виктору Сергеевичу подписывать бумаги. Андрей все продумал еще накануне. В больницу его не клали, предлагали, но не клали. Сказать все сразу или написать ему письмо? Ну, в общем, все подписали, и Андрей передал врачу конверт с письмом. Пожал руку и ушел.

Содержание письма было в следующем:

«Уважаемый Виктор Сергеевич, если во время операции вы увидите, что шансов выжить и вести полноценную жизнь после нее у меня нет, прошу вас прервать мои страдания (надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю). Все свои имущественные дела я уладил заранее. Ниже привожу номер счета в банке (название банка), все, что там – это для вас. Заранее благодарен.

Андрей Верховцев».

Вот такое письмо. Сумма там была указана огромная.

Пока спускался по ступенькам, тянуло в ногу. А когда сел в машину, хоть кричи. Что-то прорастает в тебя, там, внизу. Андрей сидел, вытянув руки, сжимая руль, ожидая окончания приступа. Но он не заканчивался. «Я не смогу его перетерпеть... Я смогу его перетерпеть! Я смогу его перетерпеть!» – сквозь сжатые зубы произносил он, сжимая в вытянутых руках руль автомобиля, как будто уже ехал на огромной скорости. Пот стекал по лицу. Насквозь мокрая рубашка прилипла к телу.

«Да, да. Все я правильно сделал. Эти три дня Эля проколет уколы почаще. Провалиюсь в забытьи. А там и конец. Наркоз. Надо просто достойно выдержать эти три дня. Еще несколько раз будет так тяжело, но ничего».

«Крузер» выкатил на набережную. И покатил в свою сторону.

«Да, да, – думал Андрей. – Да. Все правильно, да».

И почему-то все мысли о работе, которые были далеко, стали еще дальше. После приступа наступило облегчение и успокоение, какое-то блаженство. Рубашка, насквозь мокрая, прилипла к коже сиденья. Он просто ехал, ни о чем не думая, желая быстрее добраться до дома. «Нет, поеду на Петроградку. Да, туда, на ту квартиру». Он перестроился в другой ряд и стал думать, где далее можно развернуться. И вот уже Нева блестит слева. Машин было немного, поток двигался быстро. «Крузер» шел на приличной скорости. Вдруг прямо под него выскочил какой-то старый «Фольксваген», он пытался уклониться от сигналищего грузовика. Андрей попытался принять вправо, но получилось, что наехал на «Фольксваген». Завалился набок, и его потащило. Он не был пристегнут. Лобовое стекло треснуло от удара. Тело выкинуло наружу. Со страшной силой ударился об столб. Удар пришелся на спину. Раздался хруст. Тело изменило траекторию и, проскользив по асфальту метров двадцать, вылетело на траву. Со сто-

роны это выглядело, как будто какая-то неведомая сила швырнула человеческое тело, как тряпичную игрушку, над землей об столб, она ударилась об него и полетела дальше.

Лицо, проскользившее по асфальту, местами осталось без кожи, но голова в последний раз, но четко работала.

Странно, полщеки нет, а не больно. Андрей попытался пошевелить рукой: нет движения. Андрей чувствовал вкус травы на губах, все пытался пошевелить рукой или ногой. Но ничего не получалось. «Видимо, переломан позвоночник», – подумал он. Когда был удар внутри себя, он почувствовал хруст. Это все, конец.

«Как же странно, тела не чувствую, а слезу в уголке глаза чувствую. Чуден свет! Неужели конец?»

Яркий двор, залитый солнечным светом. Гроздь желтого винограда над столом. Тетя Лена сидит правее. Заходит соседка Лялечка и начинает что-то живо рассказывать, размахивая руками. Тетя Лена начинает смеяться, наклоняясь всем телом назад-вперед, прикрывая рот раскрытой ладонью. Звуков он не слышит. «Это мы в Анапе прямо перед самой школой». Мама выходит из кухни, неся перед собой супницу. Она в ситцевом платье. Она молодая и красивая. Волосы ее темные. Собраны наверху в пучок. А намокшие от пота завитки на шее прилипли. Мама улыбается. Она ставит супницу на стол и тоже начинает смеяться. И тоже прикрывает рот ладонью. Потом берет тарелку и наливает в нее половником золотистый бульон, в котором переваливаются желтые галушки, ставит тарелку передо мной, треплет за волосы и говорит:

– Ешь, Андрюша, ешь.

И продолжает смеяться.

Неужели это последнее, что я увижу в жизни... Неужели это все?

Чудный вечер

Она должна была прийти, и я торопился. Взял алкоголь. Я недавно на этом месте. Она из соседнего отдела. Может, расскажет о раскладах в этой конторе. На прошлом месте я зарабатывал неплохо. Удавалось проводить левый груз. Ну и все, что с этим связано. Я в общем-то на эти деньги и «БМВ» свой купил. Может, и здесь такие возможности. Не знаю, база-то большая.

И она. Я говорю в курилке:

– Скоро выходные, все такое, приходи, – так, в шутку.

А она отвечает:

– Приду.

Ничего себе!

Ну, в общем, взял я себе бутылку водки хорошей. А ей – мартини и коробку конфет «Чудный вечер». Заранее звонил ей, часа за два. «Да-да, все в силе», – говорит. Я ей еще объяснил, как от метро добраться. Ну и начал накачивать потихоньку. Телевизор включил. Так-то я его редко смотрю. В общем, скорее по «синьке». Там новости всякие – упрешься как баран в экран, когда выпьешь, и смотришь. Если честно, все равно, что там показывают. Мои-то все увлечения – машина да девушки, ну еще футбол.

Нам телевизор за неуплату отключили. Осталось всего два социальных канала. Ну, по одному какое-то ток-шоу, а по другому – фильм американский только начался.

Блондинка заходит в зоомагазин. Блондинка на высоких каблуках. Ууууууххх!

Так вот. Блондинка заходит в зоомагазин. «Здравствуйте, миссис Макгрудки!» А та отвечает: «Здравствуйте, мисс Дэниел».

Мало того что на улице стая птиц: они кружатся высоко в небе. Так она, оказывается, в этом магазине заказала взрослого говорящего скворца.

Ей объясняют, что птица еще не пришла. Блондинка, слегка расстроившись, говорит: «Ну ладно. Пришлите его мне домой», – и пишет свой адрес левой рукой.

Я давно заметил – во многих американских фильмах так делают. Это вроде как круто, что ли, необычно. Человек не такой, как все, если он левша. И Клинтон левой писал. И секретарш своих левой рукой трогал. Я в повседневной жизни один его жест применяю. Это когда вроде сжимаешь невидимый карандаш в кулаке, прижав его оттопыренным большим пальцем, и трясешь перед собой, словно говоря что-то важное. В поучительном тоне. Так вот.

В магазин заходит парень, видный такой, и эта девушка с ним знакомится. Парень ищет попугаев особого вида для своей младшей сестры. Блондинка делает вид, что она продавец, и ведет его мимо клеток, словно ищет попугаев. Попутно рассказывая: «Здесь у нас иволги, зяблики...» Какая она все-таки классная! Волосы выбелены с платиновым оттенком. Каблуки высоченные.

Нарезал немножко колбаски. И крепкий чай. Это обязательно. Еще есть минут двадцать. Выпью с ней мартини. А там – как пойдет. А может, поставлю на стол начатую бутылку, когда придет Оля. Ну, там по обстановке ориентируюсь, это ведь всего лишь начало вечера.

В общем, она, прикинувшись продавцом, рассказывает, что сейчас у нужных ему птиц период линьки.

«Зачем вам попугаи? Купите канарейку!»

Пытается показать ему канарейку, открывает клетку, просовывает туда руку, пытается ухватить птичку, а та – улетает.

Парень ей говорит: «Ну что же вы это так неловко делаете?» Ну, тут и выясняется, что она не продавец, а он не обычный парень, а полицейский.

«Вы полицейский?» – удивлена она.

У них какая-то перепалка возникла, и парень уходит.

Блондинка, вся такая расстроенная, звонит по дисковому телефону. Ха!

У нас был такой в коридоре. Я еще помню, как это – звонить по дисковому телефону.

Тоже за неуплату отключили.

Так вот, она звонит – спрашивает, а ей отвечают: «Да, да, это калифорнийский номер». Видимо, она про номер его машины спрашивала. И еще блондинка заказала попугайчиков для него. Для этого парня. Вот как он ей понравился.

Эта Оля в жизни для меня попугаев не закажет. А кстати, где она? Набрал – нет связи, вне зоны доступа. Наверное, в метро.

По бутылке видно, что отпил уже существенно. Может, убрать ее, а когда придет, вроде и достать. Ты пьешь, и я за компанию – вот у меня здесь начатая. Да, но пока доедет, по мне уже будет видно, что выпивши. Да и водки – ниже горлышка.

И эта баба узнала, где он живет, и принесла ему попугаев прямо домой. Надо завтра заговорить с кем-нибудь в зоомагазине. Может, там действительно такие дуры. Что сама придет в дом малознакомого человека. Ей сосед говорит, что он уехал на выходные за город, он каждые выходные уезжает за город. Мать тоже каждые выходные на дачу уезжает. Я вот завтра собирался, но – отложил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.